

Конец мая ознаменовался неожиданным известием: мадам Сперл, известная своими увлекательными рассказами о магических приключениях, объявила о переезде. Гарри, с неохотой отпустивший мысль о том, что мадам Сперл, возможно, останется, задался вопросом: "Почему вы уезжаете?" — прошептал он Невиллу, надеясь, что, быть может, тайна ее отъезда откроется и ему. — Новая информация о Палате магов крови в Чичен-Ице, — ответила мадам Сперл, ее глаза блеснули азартом. — Я собираюсь быть там, когда мы ее откроем. Сорок три известных нам разрушителя проклятий уже искали ее, и это самая сложная задача в нашей области, по крайней мере, с тех пор, как Долина Царей выдала свои секреты. Гарри понимал. Ему тоже хотелось быть частью подобных приключений. В конце урока, не теряя времени, он отправился к мадам Сперл. — Когда вы будете в своем кабинете? — спросил он, с надеждой глядя на нее. — Почему бы не сейчас? — ответила она, указывая на стул. — Вижу, что вам нравятся мои истории. Так вы историк, путешественник, разрушитель проклятий? — Я не знаю, — признался Гарри. — Конечно, не знаешь. Слишком молод. Но ты ответил честно. Как ты думаешь, кем бы ты мог быть? — спросила мадам Сперл, ее взгляд был пронизательным. — Я бы предпочел путешествовать или снимать проклятия, чем читать книги, — ответил Гарри. — Значит, ты начинаешь познавать свой разум. Хорошо. Нашли ли вы книгу о Плавучем замке? — спросила она, протягивая перо, чернильницу и бумагу. — Нет, — ответил Гарри. — Напиши это, пока глаза не вытекли из головы, — распорядилась мадам Сперл, и Гарри послушно принялся записывать ее рассказ. — Я не была одной из тех, кто его нашел. Меня привлекли, чтобы уничтожить его. Матрица невидимости, которую они использовали, дала сбой, и он был давно заброшен, по крайней мере, людьми. Там поселилось несколько колоний птиц. Когда я туда попала, там воняло... ну, вы можете себе представить. Проблемы начались, когда в него врезался авиалайнер и оторвал часть крыла... Гарри жадно записывал все, что она говорила, делая заметки о людях, которых она упоминала, о местах, которые следовало посетить. Мадам Сперл знала всех и обо всем, и ее рассказы будоражили его воображение. "Может быть, на следующее лето?" — подумал Гарри. Лето уже было частично распланировано, но если он не найдет ничего интересного в Годриковой впадине, что же тогда делать? В начале июня Гарри был вызван к профессору Фламелю. Он ожидал вызова, но не мог поверить, что для этого понадобился целый учебный год. Пока ведьмы и волшебники, словно мотыльки на свет, осаждали Хогвартс, чтобы хоть одним словом поговорить с Николасом Фламелем, который почти четверть века вел затворнический образ жизни, Гарри думал, что у Фламеля есть о чем спросить его или рассказать ему. Поднявшись по лестнице, Гарри вошел в кабинет директора. — Входи. Взгляните. Я буду с вами через минуту. Перенель присоединится к нам, — сказал Фламель, его лицо было старым и измученным. Гарри осмотрелся. В этом кабинете он был впервые. В прошлый раз, когда он искал директора по поводу призрака, тот находился в Большом зале. — Дамблдор по-прежнему засыпает меня бессмысленными советами, — подумал Гарри. — Последний совет? Записаться на факультатив по гаданию. 'Это очень полезно для таких молодых людей, как ты'. Что бы это ни значило... В кабинете были стены, увешанные книгами, и десятки анимированных портретов стариков и старух. На стене висела костлявая голова, ростом выше Гарри, которая могла бы занять место нескольких портретов. Клыки у нее были длиннее предплечья Гарри. Открылась дверь, и вошла жена директора, профессор Фламель. Она села на стул, как всегда загадочная, профессор, которая не вела никаких занятий и, казалось, была ответственна за то, что многие другие учителя работали гораздо лучше. — Если ты готов, Гарри. После того как мы закончим, ты сможешь еще раз посмотреть, — сказал директор Фламель, указывая на кресло. — Ты смотрел на наш трофей, — сказала профессор Фламель, кивнув на череп на стене. — Мы думали набить череп василиска, но кожа оказалась слишком полезной, так что это только кости. Клыки, разумеется, очищены от яда. Пенни работает над целым рядом зелий, которые не варились уже несколько сотен лет. Удивительно, но в наши дни мало кто пользуется ими. Люди придумали более совершенные варианты замены... — Где вы нашли василиска? — спросил Гарри. Он читал о них, но ничего положительного о них не знал. Злобные, смертоносные, огромные, долгоживущие, один взгляд

в глаза вызывает смерть, одна капля яда вызывает смерть — в общем, ползучая смерть. — Все слишком близко. Глубоко под этой школой... — ответил Фламель. — Под школой? — Гарри едва не оказался под школой в тот день летом. — Этот туннель? — Глубоко, даже глубже, чем это сделали ваши следы. Не беспокойтесь, мистер Поттер. Василиск заслуживает почетного места, а не портрета Альбуса Дамблдора, чтобы задавать раздражающие вопросы, — сказал Фламель. Гарри совсем не знал покойного директора с первого курса Хогвартса, но за этот год он с лихвой наверстал упущенное благодаря призраку этого человека. Вредный, раздражительный, склонный к предположениям и частичной лжи, и вообще зануда. Конечно, он прятался почти от всех, кроме Гарри. — Вы обнаружили, где обитает его призрак? — спросил Гарри. — Я застал призрака за общением с его собственным портретом, который находится во второй ванной комнате этого номера за запертой дверью. Ну и наглость у него... — сказала профессор Фламель. — Пенни? Перл? Достаточно. Или мне называть тебя Ники? — спросил директор Фламель, его голос был раздраженным. — Нет, — ответила она. — Призрак также раздражает профессоров МакГонагалл и Снейпа. Прилетает, выдает какие-то предложения или приказы, улетает. Они его не слушают. И вы тоже не должны. И не ищите вторую ванную, мистер Поттер. Туда же мы положили глаза василиска и запас мандрагоры. Мне придется придумать новую ловушку, чтобы использовать их... — сказала профессор Фламель, ее взгляд был холодным и насмешливым. Гарри улыбнулся, совершенно сбитый с толку. Но он не собирался охотиться за призраком Дамблдора. — А можно как-нибудь сделать так, чтобы он не беспокоил людей, этот призрак? — спросил Гарри. — Лучший способ - убедить его уйти. У меня было чертовски много времени, чтобы его выследить, — сказал директор Фламель. — Он прячется от меня, — прошептал он, голос хриплый от боли. — Живет в мрачных глубинах, предпочитая гнилостный запах канализации голосу разума. Должен был разглядеть в нем эту упрямую, неразумную душу, когда он был молод, когда жизнь была ключом. Моя вина, — он стиснул кулаки, — моя вина, что я позволил ему стать таким. Прости, мой мальчик, прости, что не сумел уберечь тебя от этой участи.